

Соб. Россис. - 1992. - 1 февр. - С. 4.

Лев ЛЕЩЕНКО: Во мне все направлено к человеку

МНЕ все время казалось, что у этого всем нам хорошо знакомого певца совсем безоблачная, ровно восходящая судьба, неиссякаемая купель славы и благоденствия. Впечатление обманчиво. Вблизи его видишь совсем другим — такой же, как все мы, испранный, мятущийся, страдающий. Просто безоблачная, открытая у него душа, счастливая способность, всегда радоваться людям. Мы объяснялись с ним не один час, перетряхивали его артистический архив, обозревали чуть ли не стоименную афишу — 1 февраля к золотому юбилею певца в концертном зале «Россия» соберутся почти все звезды эстрады, — и многое в этом ясном человеке становилось куда ясней.

Благодарен ли он своей судьбе? Однозначно — да, хотя она и не всегда была милостива. В младенчестве лишился матери, первые земные радости — с игрушками из вчерашних окопов, и сам становился игрушкой одичавших от бездомья фронтовиков; жил у отца в полку, ходил одетый пятилетним солдатиком, козырял на КПЗ... Но были и родные Сокольники, где по-семейному все жили в перенаселенных двухэтажках с рыжими крышами. Была и добрая бабушка из Рязани. Был и удивительный дед из-под Курска — мастеровой с ловкими инструментами и скрипач с густым басом. «Дедушка разбудил во мне голос... Помню наш первый дуэт тяжелого прилива с каплей: нелюбимо наше море, день и ночь шумит оно...». Была потом и знаменитая школа двух имен — Зои и Шуры, с ее особыми порядками, и воскресший голос в выпускном классе. «Оставался после уроков и возвещал среди пустых парт: «Я тот, которому внимала...». Однажды «вняли» одноклассницы и заставили петь в концерте, где просто не сдюжил».

Не возникало вопросов, куда деваться после школы. Всем существом владело «фантомное желание петь». С детства снились поющие сны. «До сих пор наедине — на прогулке, в машине, в лифте слышу внутри поющий голос, а на публике чувствую скованность». Первая попытка поступить в ГИТИС кончилась провалом. В утешение — трудовой сезон в Большом театре. Это же прекрасно — работать в музыкальном раю: передвигать избу Сусанина или дворцовые колонны из «Войны и мира» и слышать Лемешева, Лисициана, Огивцева, восхищаться Улановой... И сидеть, затаившись, в классах...

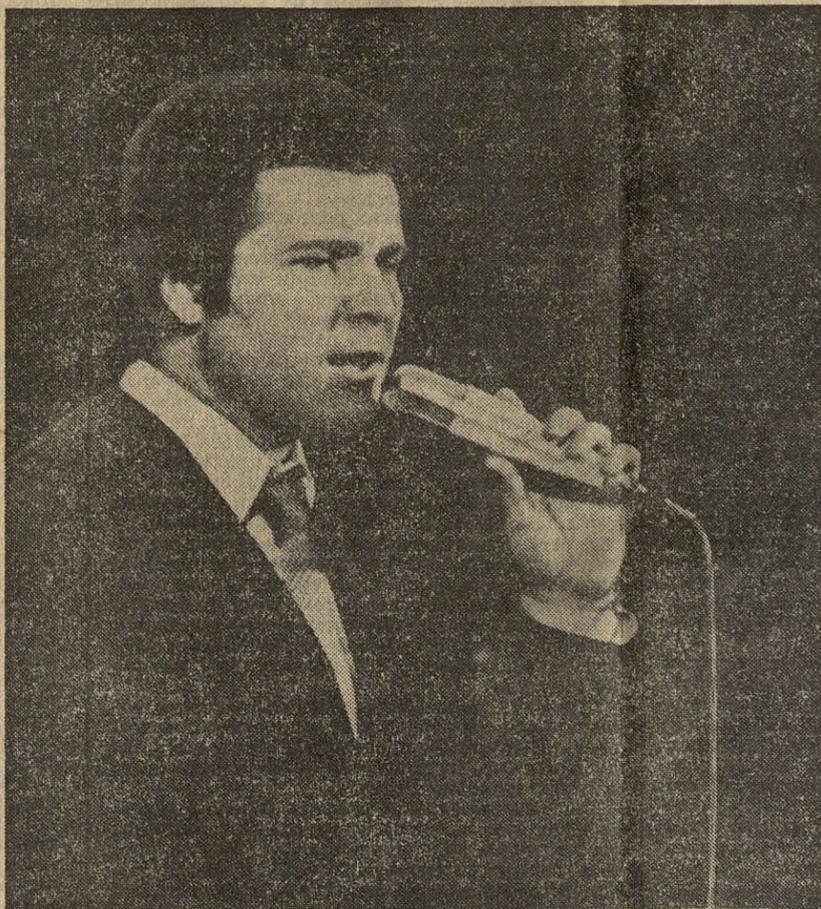
Неожиданно подкатило второе экзаменационное лето — и снова провал. Вот тогда, озяв, «наступил на горло собственной песне». Ушел слесарить на завод точприборов.

— До конца дней буду вспоминать свою «певческую маму» Екатерину Александровну Казанскую. Она разыскала меня и жутко пристыдила: у меня, дескать, есть способности, но совсем нет гордости и воли, да и трудолюбия — работа с голосом требует куда больше усилий, чем за станком.

Кончилась игра в «увлечения», началась изнурительная работа. Но когда уже профессора ГИТИСа выводили проходной балл, пришел час слушать Отечество. Только «через две зимы» явился на следующие экзамены в гимнастерке, перехваченной портупеей, явился, чтобы победить...

Но вот какие мысли не покидают с давних пор, а теперь, пожалуй, тревожат еще острее. Почему судьба певческого дара всецело в руках слепого случая? Сколько жестоких утрат, неразумных потерь, ложных шагов. Продвигаться на ощупь в искусстве все равно, что топтать по минному полю. Почему нет культуры определять музыкальный дар в мудрые режиссерские руки и надежные вести его по жизни, как это делают тренеры в большом спорте? Льву Лещенко везло — детская влюбленность в русского классика, заводской коллектив, армейский ансамбль, череда добрых наставников на пути... И то сколько раз подводила легкая отзывчивость, творческая всесидность. Приходилось слышать очень горькое. От любимого учителя Георгия Павловича Анисимова: «Удивительная способность откапывать плохие стихи...» От Оскара Борисовича Фельцмана: «Зачем ты записываешь все подряд, ни к чему хорошему это не приведет...» И однажды срыв в Колонном зале под изумленным взглядом добрейшего Юрия Васильевича Силантьева сильно потрянул сознание певца: ты не игрушка концертных лихачей, ты отвечаешь именем своим за каждую спетую фразу. Кроме манеры и тональности, в твоей песне должна быть определенность твоей души, направленность твоих жизненных устремлений... «К этому времени я все отчетливей ощущал — мне глубоко созвучно исполнительство песен социально-патриотической направленности».

СТРАННЫЕ метаморфозы происходят с иными понятиями. Патриотическое — то оно слишком в чести и глубоко травмирует прижиманием солдатского сапога; то оно на подозрении и до тошноты угнетает улюлюкающим глумлением. А вот для песни четко выраженного направления, для

СПЕТЬ ЖИЗНЬ

певца — патриотическое, можно сказать, форма бытия. Здесь шелест отчих нив и задумчивый гул роц, перекаты рек и эхо дальних гор... Конечно, патриотический певец — не поющий тростник. Ему суфлирует не только природа, но и жизнь. В его голое — пережитые события, им понятая история, осознанная мечта. Вряд ли возможно добиться идеологизированной стерильности, но он трепетно озвучивает один лишь обобщающий образ — образ Родины, передает свою боль за ее беды, гордость за высокие деяния, жажда благоденствия.

Можно как угодно изматывать на исповеди Льва Лещенко, пытаясь установить, когда к нему поступалась большая любовь земли с требованием о взаимности, он обязательно начнет с Сокольников и приведет куда-нибудь на Командоры, он непременно припомнит те минуты, когда крохой карабкался на ступ, чтобы спеть гимн, и последний праздник очередного перекрещения града на Неве. У него два измерения своей любви к Родине — искоженные дороги и тропы нашей земли и прожитые на ней годы. Двести пятьдесят дней — среднегодовая норма концертных поездок. И порой не знаешь, что дороже — овалы в сверкающем Колонном зале или рукоплескания в подслеповатом клубе в поселке под сопкой Ключевской, куда собираются все обитатели, включая щенков. «Уверен: истоки чувств, которые вкладываешь в песню, — в жизненных впечатлениях». Потому и покоряет колоритом «Родительский дом», «Белая береза», «Родная земля»...

«Родная земля» стала для меня «программой». С годами взискательность обостряется: «О Родине нельзя писать не талантливо, петь не мастерски... Да и слово-то само не употреблять бы все — святыня».

И вот по святому прошлись плугом. Распался Союз.

— Это ужасно. Не могу примириться. Воспринимаю, как крушение мира в доме. Во мне ни грамма великодержавного. Как артист, боготворю шедевры и таланты наций. Но вот внутренне чувствую: бесконечно много потеряем за искусственными перегородками. Ведь каждую культуру мы поднимали вместе, на плечах друг друга. Все взаимно проникало, подпитывало, росло. Теперь уползаем в национальные скорлупки... И очень обидно за Россию. Это огромное, доброе, альтруистическое существо. Столько сил, жизни положила «за други своя», всегда отдавала народам больше, чем могла, и вот сама обесилена, обездолена, да косые взгляды ловит... Очень обидно!

Дитя военного лихолетья, абитуриент с портупеей, патриотический певец — что он думает о драматической ситуации в нынешней армии?

— То, что делают с армией, — это пагубно. Какую бы отчаянно мирную политику мы ни проводили, нам никто не гарантирует безопасности границ и благополучный исход любых «кризисов в заливах». Нашему народу нужна защита. Но армия дол-

жна жить обособленно, вне страстей политики. И туда не нужно вторгаться с разногласными присягами и бездумными суждениями о приказах. Наоборот, голову надо склонять перед высшей нравственностью воинов, которые жизнь отдадут, защищая Родину, и никогда не поднимут оружия против мирных своих сограждан.

ЕСЛИ спросить певца — кому он адресует песни с эстрады, ответ вне сомнений: молодежь — главный адресат. И, конечно, каждого, как и Льва Лещенко, больно заденет публичная издевка: не моден, его слушают те, кто старше двадцати пяти... Не станем обижаться, тем более вставать в позу того бодрячка, что титится быть «вечно молодым», но поразмыслим над расхожим штампом: «не моден».

Мы теперь все чаще наблюдаем, как механически жестко «делается мода», как сгоняется молодняк на площади и аэродромы, как расчетливо управляют стадными инстинктами неприятельской публики, как поднимается истребительная сила против эстетического анакомыслия... Да это и не мода! Скорее по-черному идеологизированное наступление, например, против воспринятой ранее песенной культуры... Мы говорим о моде. А почему, собственно, мода — непременно достоинство одного лица, самого невзыскательного возраста? Да и что это вообще за критерий искусства?

Модное не вечно, но истинные человеческие ценности вечно модны. Льву Лещенко, наверное, и по самой судьбе его, и по мягкости души, и по доверительности интонации предопределено быть хранителем этих ценностей, быть Служителем Памяти. Нет ничего удивительного в том, что двадцатилетний русский солдатик на немецкой земле, оглушенный всеми колоколами мира, почти скандирует срывающимся голосом «Бухенвальдский набат». Но удивительно, во многом знаменательно то, что на престижные европейские конкурсы Лев Лещенко выходит с темой Памяти и получает высшее признание.

На фестивале в весеннюю Болгарию он приезжает цветущим тридцатилетним парнем и с поразительным тактом показывает драматическую элгию Яна Френкеля «Журавли» — назван лауреатом «Золотого Орфея». Вскоре он в Сопоте, в дни самого расцвета знаменитого песенного действия. И вновь рискует предложить жюри и публике элегически воплощенное эхо войны.

Я сегодня до зари встану.
По широкому пройду полю.
Что-то с памятью моей стало.
Все, что было не со мной,
помню!..

Исполнение песни Марка Фрадкина «За того парня» приносит ему и венец Сопота. И, конечно же, не могли не встретиться в жизни Лев Лещенко и «День Победы». «Лично я не помню случая, чтобы показанная мне песня вот так сразу захватила бы меня». Этот шедевр Давида Тухманова, само собой, становится исполнительским

венцом певца. Сразу было ясно: у песни долгая жизнь и многомерная глубина, которую постигать и постигать. Но два десятилетия назад, конечно, не думалось, что придет иная жизнь и кинжально обострит в песне каждую ноту, каждое слово.

— Это было в минувшем ноябре на «крестинах» Санкт-Петербурга. Давался благотворительный концерт. Я вышел на сцену и ахнул: в зале сидела страна, прожившая полторы моих жизни. Никогда не видел столько ветеранов вместе с лицами суровыми от напряженного ожидания... Родной мой народ! Это ведь ты создал мою жизнь, все, что я познал и чем горд. Лайнеры, атомоходы, КамАЗы, промыслы, города, здравницы, балет, Гималаи книг... Поколения наследников, наконец. Как же все это перечеркнуть, как тебе не поклониться... Наше общение начиналось тихо... «Солнце скрылось за горой, затуманились речные перекаты...» Пел и чувствовал — гаснет напряжение. И вот зазвучал «День Победы». Зал вздрогнул и встал в едином порыве, подхватил ликующие и горькие слова. И это было знамение: они правы, они прожили не напрасно, они сделали свое дело!.. Все время думаю, как немилосердно покусаться на прошлое отцов.

Стоит ли после этого печалиться, что не обнаруживаешь себя во главе последнего хит-парада? Разве не великое счастье для художника, артиста получить доступ к самым сокровенным струнам души народной, сопереживать светлым мукам памяти?

ДА, МОЛОДЕЖЬ — основной адресат эстрадной песни, и певец должен быть чуток к современным ритмам, интонациям. Прекрасно, что искусство не стоит на месте. Но беда, если на него обрушиваются лавины радиоактивных выбросов массовой культуры. Здесь тоже теперь то и дело натываются на трудноизлечимые следы духовного Чернобыля.

— Не понимаю профессионалов искусства, которые насильственно срывают предшествующий слой культуры. Не признаю за ними права называть себя художниками, если они жестоко эксплуатируют человеческие эмоции, сознательная неразвитость нравственного иммунитета. Поражаюсь авангардистам, не желающим знать о традициях. Кажется, Пастернак сказал: искусство считает буйным фонтаном, а на самом деле это все впитывающая губка. Еще не осознав своей артистической судьбы, я пропитался классикой. Посмотрите на этот букет славных имен на юбилейной афише — от Юрия Антонова до Софии Ротару, от Владимира Винокура до Валентины Толкуновой — что бы мы все представляли собой без ваших предтеч Утесова и Шульженко, Френкеля и Пахмутовой... И я не тревожусь за судьбу песни. Современная гражданская песня придерживающаяся лучшим народных традиций, несущая мысль, позицию, духовность, имеющая мелодичный музыкальный язык, никогда не будет вытеснена из нашего песенного искусства.

А когда мы заговорили о преподавательских увлечениях Лещенко, о восхищающих его волонтерах искусства, он вдруг радостно спохватился: «Недавно на презентации ко мне подошли молодые рок-музыканты и говорят: давайте встречаться, мы хотим соединить то, что возникло у нас — ну там компьютерная аранжировка и прочее — с вашей мелодикой, с вашими песнями... Каково? Задумываются парни».

Еще бы задуматься о том, какие мощные пласты поэзии нас питали, какую редакторскую шлифовку проходила каждая наша работа, каким густым старательским ситом были те же пресловутые худсоветы, как высоко поднимали планки-критерии наши профессоры и режиссеры. Это не только по прошлому, это на заметку желающим задуматься. У настоящих профессионалов должны быть надежные шлифовальные круги. «Я всегда жаждал свободы. Для меня это состояние, при котором я могу что-то себе не позволить».

Что изменило последнее семилетие?

— В обществе — чудовищно много во мне — ничего. Я всегда руководствуюсь общепринятыми понятиями нравственности, соответственно поступаю и работаю. Из наработанного не хочу потерять ни грамма. На перспективу — реализовать то многое, что еще не реализовано. Во мне все напелено — помочь человеку. Пусть это не прозвучит абстрактно, я очень конкретный гуманист... Представьте: Афган, война, госпиталь с нашими ранеными. Стоишь посреди палаты растерянный: родные ребячьи лица, а в глазах суровость, металл поблескивает. Что им сказать, спеть? И вдруг из глубины — тихий голос перебранного парнишки: «Спойте, пожалуйста, «Родительский дом»... Вот тогда я почувствовал: какое счастье, что есть эта песня, что не прошла она мимо меня».

Хочется добавить: какое счастье, что есть такой парень и его песни.

Валентин ЧИКИН.